

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181>

В Царстве Польском при Александре II и Александре III: по страницам воспоминаний генерала А.И. Деникина

© А.С. Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье на основе воспоминаний А.И. Деникина проанализировано отношение генерала к «польскому вопросу». Для военного, мать которого по происхождению была полькой, данная проблема имела и личное значение. Традиционно Антон Иванович воспринимается как убежденный сторонник имперской идеи, однако на страницах незавершенных воспоминаний Деникина «Путь русского офицера» можно встретить любопытные зарисовки жизни польского общества под властью Российской империи. В мемуарах А.И. Деникина представлен широкий спектр сведений о жизни Царства Польского в годы правления императоров Александра II и Александра III, о настроениях среди жителей региона, о специфике национальной идентификации в крае. В центре внимания автора – его отец, Иван Ефимович, отставной офицер. В воспоминаниях генерала представлен и рассказ о его пути к вере. Подробно Антон Иванович описывает и свою единственную встречу с императором Александром II, посетившим Влоцлавск незадолго до его смерти. Выросший в польской среде, Деникин приобрел от отца глубокий и не наигранный патриотизм, чувство искренней гордости за свое Отечество и сопереживания его бедам. Вместе с тем Деникин на всю жизнь полюбил и Польшу, и польский народ. Представляется интересным взгляд генерала на российско-польские отношения, высказанный им в 1937 году в письме к С. Карпинскому. Справедливо высказывание А.И. Деникина о «связанности судеб Национальной России и Польши», равно как и его мнение о том, что «русско-польская рана» излечима, а «кровный союз» и «полное примирение» двух славянских народов являются возможными и необходимыми для наших государств. Автор приходит к выводу о том, что заветы Деникина могут и должны быть востребованы в наше время. Работа построена на широком круге источников, включающем в себя не только развернуто цитируемые работы Деникина разных лет, но и неопубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: А.И. Деникин, Царство Польское, Польша, Российская империя, «польский вопрос», национальная политика, мемуары, «Путь русского офицера», военное строительство, дислокация

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта №19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Для цитирования: Пученков А.С. В Царстве Польском при Александре II и Александре III: по страницам воспоминаний генерала А.И. Деникина // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 172–181. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181>

In Congress Poland (Kingdom of Poland) under Alexander II and Alexander III: according to the pages of memories of general A.I. Denikin

© Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article based on the memoirs of A.I. Denikin analyzed the attitude of the general to the “Polish question”. For a military man whose mother was Polish by birth, this problem also had a personal meaning. Traditionally, Anton Ivanovich is perceived as a staunch supporter of the imperial idea, however, on the pages of Denikin's unfinished memoirs “The Way of a Russian Officer” one can come across curious sketches of the life of Polish society under the rule of the Russian Empire. In the memoirs of A.I. Denikin presents a wide range of information about the life of the Congress Poland (Kingdom of Poland) during

the reign of Emperors Alexander II and Alexander III, about the mood among the inhabitants of the region, about the specifics of national identification in the region. The author's focus is on his father, Ivan Efimovich, a retired officer. In the general's memoirs, the story of his path to faith is also presented. Anton Ivanovich also describes in detail his only meeting with the Emperor Alexander II, who was passing through Wloclawsk shortly before his death. Growing up in the Polish environment, Denikin acquired from his father a deep and not feigned patriotism, a sense of sincere pride in his Fatherland and empathy for its troubles. At the same time, Denikin loved both Poland and the Polish people for life. The general's view of Russian-Polish relations, expressed by him in 1937 in a letter to S. Karpinsky, seems interesting. A.I. Denikin on the "connectedness of the fate of National Russia and Poland", as well as his opinion that the "Russian-Polish wound" is curable, and the "blood union" and "complete reconciliation" of the two Slavic peoples are possible and necessary for our states. The author comes to the conclusion that Denikin's precepts can and should be in demand in our time. The work is based on a wide range of sources, including not only expanded cited Denikin's works of different years, but also unpublished archival materials.

Keywords: A.I. Denikin, Congress Poland (Kingdom of Poland), Poland, Russian Empire, "Polish question", national politics, memoirs, "The Way of a Russian Officer", army system, deployment

Acknowledgements: This research was supported by the grant №19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

For citation: Puchenkov A.S. (2021) In Congress Poland (Kingdom of Poland) under Alexander II and Alexander III: according to the pages of memories of general A.I. Denikin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 172–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-172-181>

Антон Иванович Деникин – вождь Добровольческой армии, возглавившей антибольшевистское движение (Федюк, 1996. С. 143), крупнейшая фигура Белого движения в годы Гражданской войны. Деникин стоял во главе наиболее мощного фронта, противостоявшего красным (Ганин, 2019. С. 121), при этом генерал проявил себя не только как талантливый полководец, но и даровитый военный писатель. Убежден, что Деникин – последовательный патриот (Ипполитов, 2000. С. 492), в наибольшей степени может считаться олицетворением чистоты белых риз и приверженности главному лозунгу Белого дела – «Великая, Единая и Неделимая Россия» (Лобанов, 2017. С. 339; Зими́на, 2006. С. 87; Хандорин, 2017. С. 313; Абинякин, 2005. С. 135; Бутаков, 2000. С. 23; Цветков, 2016. С. 549–550; Голдин, 2012. С. 228). По сути своей, именно Деникиным наиболее отчетливо были сформулированы принципы идеологии Белого движения, неспроста его называли и «Царем Антоном»: вряд ли Антону Ивановичу удалось бы уйти на покой и «садить капусту». Победы белые в Гражданской войне – авторитет Деникина, в том числе и политический, в антибольшевистском лагере был настолько велик, что устранился от дальнейшего участия в политической жизни белому вождю бы не удалось. Автору этих строк уже дово-

дилось писать об отношениях Польши и южнорусского Белого движения в период Деникина – Врангеля, равно как и о том, что роль Польши в истории Гражданской войны в России нельзя переоценить (Пученков, 2016; Пученков, 2020; Пученков, 2012; Пученков, 2019; Пученков, 2010). За 2 года до начала Второй мировой войны Деникин, вспоминая роль Польши в неудаче наступления Вооруженных Сил на Юге России в 1919 году, писал: «В необыкновенно сложной и тревожной конъюнктуре своего внутреннего и международного положения, Польша волею судеб и следствием своей политики, поставлена между молотом и наковальней. И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть о том, что в 1919 году его вожди предали Россию» (Деникин, 1991а. С. 12). В своих классических «Очерках русской смуты» Деникин утверждал, что политика Польша и Ю. Пилсудского в отношении белых с «русской национальной точки зрения... не может не вызвать глубочайшего возмущения» (Деникин, 2003. С. 581). Определявшего в значительной степени политику Польши в 1919 году Ю. Пилсудского Деникин именовал «русофобом» (Деникин, 1934. С. 2), а исторически сложные отношения Польши и России квалифицировались Деникиным как «больные» (Деникин,

1991b), при этом, однако, личная связь Деникина и Польши обычно не привлекала внимание исследователей. Между тем именно «польский этап» биографии Деникина не только являлся важной частью его жизни, но во многом – и ключом к пониманию его политики в национальном вопросе.

Традиционно Антон Иванович воспринимается как убежденный сторонник имперской идеи, тем удивительнее, что Деникин не просто был поляк по матери, но и вырос в Царстве Польском: на страницах незаконченных воспоминаний Деникина «Путь русского офицера» можно встретить любопытные зарисовки жизни польского общества в 1860–1890 гг. Русско-польские отношения, или же, по Деникину, «русско-польская рана» (Деникин, 1991а. С. 12), привлекала внимание белого военачальника до последних дней его жизни – это и не мудрено: детство Антона Ивановича прошло на польской земле. «Родился я 4 декабря 1872 года в городе Влоцлавске Варшавской губ., вернее в пригороде его за Вислой – в деревне Шпеталь Дольный. Занесла нас туда судьба потому, что мой отец служил в Александровской бригаде пограничной стражи, штаб которой находился во Влоцлавске; в этих местах родители мои остались жить после отставки отца. Как известно, часть Польши, со столицей Варшавой, входила тогда в состав Российской империи», – вспоминал А.И. Деникин (Деникин, 1991b. С. 11). В своих воспоминаниях генерал подробно рассказывает о биографии своего отца – Ивана Ефимовича, выходца из крепостных, николаевского солдата, уже в немолодом возрасте сдавшего экзамен на офицерский чин и вышедшего в отставку майором в 1869 году. В детское сознание Деникина врезались воспоминания отца об его участии в подавлении польского восстания 1863 года, о том, как Иван Ефимович со своим отрядом носился «по приграничному району, преследуя повстанческие банды» (Деникин, 1991b. С. 13). Показателен, для иллюстрации взглядов Деникина старшего, эпизод, который приводится на страницах записок Антона Ивановича: получив информацию о том, что в одном из имений, с владельцем которого Иван Ефимович был в дружеских отношениях, происходит секретное заседание съезда заговорщиков, И.Е. Деникин взял с собой взвод

пограничников и расположил его в укрытии возле господского дома, с кратким приказом:

– Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Зная расположение комнат, Иван Ефимович прошел прямо в зал и обратился к присутствующим со словами: «Зачем вы тут – я знаю. Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придется драться с вами, тогда уж не взыщите. А только затеяли вы глупое дело. *Никогда вам не справиться с русской силой.* [Выделено нами. – Авт.] Погубите только зря много народа. Одумайтесь, пока есть время» (Деникин, 1991b. С. 12–13).

Родившийся от брака польки и русского и выросший в польской среде, Деникин приобрел от отца глубокий и не наигранный патриотизм, чувство искренней гордости за свое Отечество и сопереживания его бедам. Вместе с тем Деникин на всю жизнь полюбил и Польшу, и польский народ, о чем и написал в своем письме однокашнику С. Карпинскому в 1937 году: «... и память моей покойной матери-польки, и детские и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу» (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and Eugenie Lehovitch Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937). Деникины жили бедно: от матери Антон Иванович частенько мог услышать жалобы на это; отец же не жаловался никогда, это отношение передавалось от него и будущему генералу, воспринимавшему свое «бедное житье как нечто провиденциальное, без всякой горечи и злобы» и не тяготившегося им (Деникин, 1991b. С. 17). «Больные», по характеристике Деникина, русско-польские отношения не оказывали никакого воздействия на его семейные дела. «Отец был кровный русак, мать оставалась полькой, меня воспитывали в русскости и в православии», – вспоминал Антон Иванович (Деникин, 1991b. С. 18). «Ни отец, ни мать не отличались лингвистическими способностями. К сожалению, это свойство унаследовал и я. Отец, прослужив в Польше 43 года, относясь к полякам и к языку их без всякого предубеждения, все понимал, но не говорил вовсе по-польски. Мать впоследствии

старалась изучить русский язык, много читала русских авторов, но до конца своей жизни говорила по-русски плохо. И так, в доме у нас отец говорил всегда по-русски, мать – по-польски, я же – ни по чьему-либо внушению, а по собственной интуиции – с отцом – по-русски, с матерью – по-польски. Впоследствии, после выпуска моего в офицеры, когда матери пришлось возвращаться почти исключительно в русской среде, чтобы облегчить ей усвоение русского языка, я и к ней обращался только по-русски. Но польского языка не забыл. Не было никаких недоразумений и в отношении религиозном. Отец был человеком глубоко верующим, не пропускал церковных служб и меня водил в церковь. С 9-ти я стал совсем церковником. С большой охотой прислуживал в алтаре, бил в колокол, пел на клиросе, а впоследствии читал шестопсалмие и апостола. Иногда ходил с матерью в костел на майские службы – но по собственному желанию. Но если в убогой полковой церковке нашей я чувствовал все свое, родное, близкое, то торжественное богослужение в импозантном костеле воспринимал только как интересное зрелище», – писал Деникин (Деникин, 1991b. С. 18–19).

Приведем военный обзор самой западной части Российской империи. В начале XX века Варшавский военный округ включал Варшавскую, Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Люблинскую, Холмскую, Гродненскую (без Гродненского и Слонимского уездов) губернии, а также Владимир-Волынский и Ковельский уезды Волынской губернии. Площадь округа 156 838 кв. км. Население, проживавшее на территории округа, насчитывало на 1905 г. – 13,5 млн чел., на 1914 г. – 14,9 млн чел.

Варшавский военный округ, названный и считавшийся «Передовым театром», находился в центре западной границы Российской империи, вдаваясь на 350 км в пределы Германии и Австро-Венгрии. Округу предстояло принять на себя удар при оборонительной войне, разобщая силы противника, а потому на его территории были построены многочисленные крепости и укрепленные пункты, упраздненные в большинстве в 1910 г. При наступательной войне Варшавский округ способствовал

вторжению в пределы соседних государств, сокращая (на 300 км) операционные направления на Берлин и Вену, а представляемую р. Висла преграду, оставляя в руках русской армии. За малыми исключениями рельеф округа не препятствовал передвижениям и действиям больших массовых армий, возможности обороны повышали многочисленные реки, болота, леса.

«Климат умеренный и здоровый. Племенной и религиозный состав населения неблагоприятен. Допустимо рассредоточенное расквартирование, но сельские помещения не отличались удобством. На время войны войска могли быть на месте обеспечены мясом, перевозочными средствами и фуражом, но требовался подвоз хлеба. Хорошо развитая железнодорожная и шоссейная сеть. Внутри из округа империи отходило 11 железнодорожных колеи. С германскими железными дорогами сеть округа соединялась у Граева, Млавы, Александрова, Калиша, Гербы и Сосновицы, с австрийскими – у Границы, но все продолжения этих линий запирались крепостями на реках Висла и Бобр» (Варшавский военный округ, 1911).

С 1877 г. в Варшавском военном округе размещались 5-й и 6-й армейские корпуса, а после 1880 г. также и 14-й армейский корпус. В 1888 г. в Варшавский военный округ из Казанского передислоцирован 15-й армейский корпус со 2-й пехотной дивизией. В 1894 г. в Варшавском округе образован 19-й армейский корпус, причем в его состав переведена из Закавказья 38-я пехотная дивизия. В 1896 г. образован 1-й кавалерийский корпус, в 1897 г. – 2-й кавалерийский, оба расформированы в сентябре 1906 г. В 3-й округ отдельного корпуса пограничной стражи с центром в Варшаве входили 10-я Рыпинская (Рыпин), 11-я Александровская (Влоцлавск), 12-я Калишская (Калиш), 12-я Велюньская (Велюнь), 14-я Ченстоховская (Ченстохов) и 15-я Новобржеская (Новобржеск) пограничные бригады.

С 1883 г. по 1894 г. Варшавским округом командовал генерал от кавалерии И.В. Ромейко-Гурко, придавший его войскам неизгладимый, отчетливый и воинственный «гуркинский» дух высочайшей боевой готовности. Эти традиции продолжил начальник штаба округа (с 1890 г.), с 1901 г. помощник коман-

дующего войсками округа генерал-лейтенант А.К. Пузыревский. Именно он до 1904 г. фактически руководил округом при приемниках Гурко, уделявшим главное внимание обязанностям генерал-губернатора. В августе 1897 г. войска округа участвовали в больших Белостокских маневрах. Также в округе проводились военные игры на картах, подвижные сборы, учения и т. д. В Русско-японской войне 1904–1905 гг. участвовали один из пяти армейских корпусов округа и обе стрелковые бригады. В пять корпусов входили 10 полевых артиллерийских бригад, из которых пять отправлены в Маньчжурию, причем четыре, будучи включены в соединения из других округов, где не было закончено перевооружение на скорострельную артиллерию.

Крупнейшие гарнизоны Варшавского военного округа: Варшава, Белосток, Люблин, Ломжа, Лодзь, Радом, Остров, Холм, Плоцк, Цеханов, Владимир-Волынский, Замостье, Калиш, Потемкинский штаб (близ станции Граево), Нижегородский штаб (близ Остроленки), Кульневский штаб (близ Млавы), Репинский штаб, штаб фельдмаршала Гурко (близ станции Яблонна), Волочиск, Гавролин, Влоцлавск (далее будет он неоднократно упоминаться), крепости Новогеоргиевск (ныне Модлин), Брест-Литовск (ныне Брест), Осовец, укрепленные пункты Варшава, Ивангород (ныне Демблин), Зегрж, Пултуск, Рожаны, Остроленка, Ломжа. До 1910 г. укрепления Варшавы, Новогеоргиевска и Зегржа составляли Висло-Наревский укрепленный плацдарм или Варшавский укрепленный район. В 1910 г. все крепости и укрепленные пункты, кроме Новогеоргиевска и Осовца, упразднены.

Обстановка в Царстве Польском (или в официальной трактовке в «Привислинских губерниях») после подавления восстания 1863 года была, конечно же, очень непростая: поляки опасались репрессий со стороны русской власти и, лелея, мечту о национальном возрождении своего отечества, призывали соотечественников к сплочению. Понятно, что проявление поляками лояльности по отношению к имперской власти в польской среде как светской, так и церковной, понимания не находило. Примеры этому можно найти и на страницах воспоминаний Деникина. «Однажды – мне было тогда лет девять –

мать вернулась из костела чрезвычайно расстроенная, с заплаканными глазами. Отец долго допытывался – в чем дело, мать не хотела говорить. Наконец, сказала: ксендз на исповеди не дал ей разрешения грехов и не допустил к причастию, потребовав, чтобы впредь она воспитывала тайно своего сына в католичестве и в польскости... Мать разрыдалась, отец вспылил и крепко выругался. Пошел к ксендзу. Произошло бурное объяснение, причем под конец перепуганный ксендз упрашивал отца “не губить его”... Власть в Привислянском Крае была в то время (80-е годы) крутая, и “попытка к совращению” могла повлечь ссылку в Сибирь на поселение. Конечно, никакой огласки дело не получило. Не знаю, как проходили дальнейшие исповеди матери, ибо никогда более родители мои к этой теме не возвращались. На меня эпизод этот произвел глубокое впечатление. С этого дня, по какому-то внутреннему побуждению, больше в костел не ходил», – писал Антон Иванович (Деникин, 1991b. С. 19–20).

Религиозность всегда была неотъемлемой частью внутреннего мира Деникина. А.И. Деникин был по-настоящему религиозный человек, глубоко и искренне принимавший постулаты православия в качестве основы своей жизненной философии. Примечательно, что окончательно и навсегда Деникин пришел к вере именно в «польский» период своей биографии. На склоне лет Антон Иванович признавался, что в юности «больше всего, страстнее всего занимал нас вопрос религиозный – не вероисповедный, а именно религиозный – о бытии Бога. Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтении Библии наряду с Ренаном и другой “безбожной” литературой... Обращаться за разрешением своих сомнений к училищным законоучителям было бесполезно. Наш старый священник, отец Елисей, сам, наверно, не тверд был в Богопознании; ловичский законоучитель, когда к нему решился обратиться раз мой товарищ семиклассник Дубровский, вместо ответа поставил ему двойку в четверть и обещал срезать на выпускном экзамене; а к своему ксендзу поляки обращаться и не рисковали – боялись, что донесет училищному начальству. По крайней мере, списки уклонившихся от исповеди представлял неукоснительно. По этому поводу

вызывались к директору родители уклонившихся для крайне неприятных объяснений, а виновникам сбавлялся балл за поведение...» (Деникин, 1991b. С. 31).

Деникин продолжал: «Много лет спустя, когда я учился в Академии Генерального Штаба, на одной из своих лекций профессор психологии А.И. Введенский рассказывал нам:

– Бытие Божие *воспринимается*, но не *доказывается*. [Выделено А.И. Деникиным – Авт.] Когда-то на первом курсе университета слушал я лекции по Богословию. Однажды профессор Богословия в течение целого часа доказывал нам бытие Божие: “во-первых... во-вторых... в-третьих”... Когда вышли мы с товарищем одним из аудитории – человек он был верующий, – говорит он мне с грустью:

– Нет, брат, видимо, Божье дело – табак, если к таким доказательствам прибегать приходится...

Вспомнил я этот рассказ Введенского вот почему. Мой друг – поляк, шестиклассник, вопреки правилам пошел на исповедь не к училищному, а к другому молодому ксендзу. Повинился в своем маловерии. Ксендз выслушал и сказал:

– Прошу тебя, сын мой, исполнить одну мою просьбу, которая тебя ничем не стеснит и ни к чему не обяжет.

– Слушаю.

– В минуты сомнений твори молитву: “Боже, если Ты есть, помоги мне познать Тебя”...

Товарищ мой ушел из исповедадьни глубоко взволнованный. Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению:

– Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие. Словно гора свалилась с плеч! С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего» (Деникин, 1991b. С. 32).

Жизнь города Влоцлавска, в котором прошло детство Антона Ивановича, была небогата на интересные события. Между тем однажды Влоцлавск стал центром империи – на несколько минут, незадолго до своей гибели, его посетил сам император

Александр II. «Было мне тогда 7 или 8 лет. В городе стало известным, что из-за границы возвращается император Александр II через Александров-пограничный и что царский поезд остановится во Влоцлавске на 10 минут. Для встречи государя, кроме начальства, допущены были несколько жителей города, в том числе и мой отец. Отец решил взять меня с собой. Воспитанный в духе мистического отношения к личности царя, я был вне себя от радости. В доме – переполох. Мать весь день и ночь шила мне плисовые штаны и шелковую рубашку; отец приводил в порядок военный костюм и натирал до блеска – через особую дощечку с вырезами – пуговицы мундира. На вокзале я заметил, что, кроме меня, других детей нет, и это наполнило меня еще большей гордостью. Когда подъехал царский поезд, государь подошел к открытому окну вагона и приветливо беседовал с кем-то из встречавших. Отец застыл с поднятой к козырьку рукой, не обращая на меня внимания. Я не отрывал глаз от государя... После отхода поезда один наш знакомый полушута обратился к отцу:

– Что это, Иван Ефимович, сынишка ваш непочтителен к государю. Так шапки и не снимал...

Отец смутился и покраснел. А я словно с неба на землю и свалился. Почувствовал себя таким несчастным, как никогда. Теперь уже и перед мальчишками нельзя будет похвастаться встречей царя: узнают про мою оплошность – засмеют...

Прошло некоторое время, и вся Россия была потрясена событием: 1 марта 1881 года убит был император Александр II... В нашем городке – в переполненной молящимися православной церкви, в русских семьях, в нашем доме люди плакали. Как отнеслось к событию польское население, я тогда оценить не мог. Помню только, что в течение нескольких дней город был погружен в жуткую тишину и пустоту. По распоряжению растерявшегося местного начальства, в полуопустевшем городе ездили конные уланские патрули, и лязг конских копыт, в особенности ночью, усиливал тревожное настроение, которое можно передать словами польского поэта:

«Тихо вшендзе, глухо вшендзе.

Цо то бэндзе, цо то бэндзе...» [Тихо всюду, глухо всюду. Что то будет, что то будет... (Пер. А.И. Деникина) – Авт.]. (Деникин, 1991b. С. 25–26).

В возрасте 9 лет и 8 месяцев Антон Деникин выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища, родители очень радовались, а сам юноша надел форменную фуражку с «таким приблизительно чувством, как впоследствии первые офицерские погоны» и был «поведен родителями в первый раз в жизни в кондитерскую и угощен шоколадом и пирожными» (Деникин, 1991b. С. 27). Отношения между поляками и русскими были непростыми, главной причиной этого была, безусловно, политика: Польша воспринимала суверенитет Петербурга над Варшавой как порабощение, а имперскую политику, проводимую русской властью в Царстве Польском, как дискриминационную. Впоследствии, уже после распада Российской империи, поляки «отплатили нам... с лихвою! И впереди никакого просвета в русско-польской расправе не видать», – констатировал Деникин (Деникин, 1991b. С. 21). Обозревая «больные, нелепые и чреватые опасностями русско-польские отношения», Деникин писал Т. Каневскому: «Мне нет надобности по книгам изучать историю наших взаимоотношений. Прожив в конгрессовой Польше 25 лет, связанный кровными и дружественными отношениями с поляками, зная край и любя его народ, я также хорошо, как и Вы, отдаю себе отчет в тех несправедливостях, которые были причинены полякам русской политикой. И скорблю о них. Но это обстоятельство, тем более, дает мне нравственное право скорбеть и возмущаться, когда несправедливости повторяются в... обратном преломлении» (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and Eugenie Lehovitch Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937).

Тогда же, в 1870–1880 гг. Петербург проводил свою политику, не особенно считаясь с интересами поляков, что вызывало у последних острейшее неприятие, чувствовавшееся и рядовым русским обывателем. Об этом пишет в своих записках и Деникин. При этом мемуарист признавался, что «обострению русско-польских отношений много способствовала нелепая, тяжелая и обидная для поляков русификация, проводившаяся Петербургом, особенности в

школьной области. Во Влоцлавском реальном училище, где я учился (1882–1889), дело обстояло так: Закон Божий католический ксендз обязан был преподавать полякам *на русском языке* [Выделено Деникиным. – Авт.]. А учителем был немец *Кинель* [Выделено Деникиным. – Авт.], и по-русски-то говоривший с большим акцентом. В стенах училища, в училищной ограде и даже на ученических квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски, и виновные в этом подвергались наказаниям. *Петербург перетягивал струны*. [Выделено мной. – Авт.] И даже бывший варшавский генерал-губернатор Гурко, герой русско-турецкой войны, пользовавшийся в глазах поляков репутацией “гонителя польскости”, не раз в своих всеподданнейших докладах государю, с которыми я познакомился впоследствии, указывал на ненормальность некоторых мероприятий обрусительного характера. Нужно ли говорить, что все эти строжайшие запреты оставались мертвой буквой. Ксендз на уроках бросал для виду только несколько русских фраз, ученики никогда не говорили *между собой* [Выделено Деникиным. – Авт.] по-русски, и только аккуратный немец Кинель тщетно пытался русскими словами передать красоты польского языка» (Деникин, 1991b. С. 20). Вдумчивому мальчику пришлось на ходу импровизировать, придумывая приемлемую для себя модель поведения: «Застав в училище такое положение, я, десятилетний мальчишка, по собственной интуиции нашел *modus vivendi*: с поляками стал говорить по-русски, с русскими товарищами, которых было в каждом классе по три, по четыре, – *всегда* [Выделено Деникиным. – Авт.] по-русски. Так как многие из них действительно ополячились, я не раз подтрунивал над ними, поругивал их, а иногда в серьезных случаях и поколачивал, когда позволяло “соотношение сил”. Помню, какое нравственное удовлетворение доставило мне однажды (в 6-м классе), когда мой приятель – серьезный юноша и добрый поляк – после одной такой сценки пожал мне руку и сказал:

– Я тебя уважаю за то, что ты со *своими* [Выделено Деникиным. – Авт.] говоришь по-русски» [19, с. 21]. Деникин вовсе не был чужим в польской среде, не случайно, что он сумел приобрести за время учебы в ней немало друзей: молодые люди обсуждали

новинки литературы и новейшие изобретения техники; при этом о политике (естественно, в присутствии Антона Ивановича) говорили мало: «быть может, – пояснял мемуарист, – потому, что в умах и душах моих товарищей-поляков доминировала и все подавляла одна идея – “Еще Польша не сгинела”... А со мной на подобные темы разговаривать было неудобно» (Деникин, 1991b. С. 31).

Попытки русской власти контролировать польское общество нашли отражение в автобиографических записках Деникина. «В 7-м классе я учился уже вне дома, в Ловичском реальном училище... Был “старшим” на ученической квартире (12 человек). Должность “старшего” предоставляла скидку – половину платы за содержание, что было весьма приятно; состояла в надзоре за внутренним порядком, что было естественно; но требовала заполнения месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: “уличенные в разговоре на польском языке”. Это было совсем тягостно, ибо являлось попросту доносом. Рискую быть смещенным с должности, что на нашем бюджете отразилось бы весьма печально, я всякий раз вносил в графу: “таких случаев не было”. Месяца через три вызывают меня к директору (Левшину)...

– Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было...

– Да, господин директор.

– Я знаю, что это неправда.

Молчу.

– Вы не хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны замирить и обрусить этот край. Ну, что же, подрастете и когда-нибудь поймете.

Был ли директор твердо уверен в своей правоте и в целесообразности такого метода “замирения” – не знаю. Но до конца учебного года в моем отчете появлялась сакраментальная фраза – “таких случаев не было”, а с должности меня не сместили. Так или иначе, в течение 8 лет, проведенных среди поляков в реальном училище, я никогда не испытывал трений на национальной почве. Не раз, когда во время общих наших загородных прогулок кто-либо из товарищей затягивал песни, считавшиеся революци-

онными – “З дымэм пожарув” или “Боже, цось Польске...”, другие останавливали его:

– Брось, нехорошо, ведь с нами идут русские! Трения пришли позже», – резюмировал мемуарист (Деникин, 1991b. С. 22). «Впоследствии, – писал Деникин, – я вышел в офицеры, большинство из моих школьных товарищей-поляков окончили высшие технические заведения. Положение изменилось. Запретов не стало, были мы уже свободными людьми, и я потребовал “равноправия”; при встречах с бывшими товарищами заговорил с ними по-русски, предоставляя им говорить на их родном языке. Одни примирились с этим, другие обиделись, и мы расстались навсегда. Впрочем, встречи происходили лишь в первые годы после выпусков. В дальнейшем судьба разбросала нас по свету, и я никогда больше не встречал своих школьных товарищей» (Деникин, 1991b. С. 23). Единственным исключением был С. Карпинский, самый близкий школьный товарищ Деникина, живший с ним в одной комнате, с которым они «крепко дружили, вместе учились и совместно разрешали тогда все “мировые вопросы”, спустя многие десятилетия узнавший адрес Антона Ивановича и написавший ему в 1937 году. Карпинский был первым директором государственного банка независимой Польши, короткое время занимал должность министра финансов. Вероятно, что почва для возобновления переписки и дружбы между Деникиным и Карпинским заключалась в той особенности последнего, на которую без обвиняков указал Антон Иванович: «Карпинский, уроженец русской Польши – один из редких поляков, здраво, без предвзятости смотревший на русско-польские отношения, ясно видевший *не только русские, но и польские прегрешения и считавший возможным и необходимым примирение* [Выделено мной. – Авт.]» (Деникин, 1991b. С. 23). Думается, что эти строки, написанные А.И. Деникиным более 70 лет назад, звучат и сейчас более чем актуально, заставляя вновь русских и поляков задуматься о необходимости поиска тех ценностей, которые их объединяют, а не разъединяют. Убежден, что справедливо и высказывание Деникина о «связанности судеб Национальной России и Польши», равно как и его мнение о том, что «русско-польская

рана» излечима, а «кровный союз» и «полное примирение» двух славянских народов являются возможными и необходимыми для наших государств (New York Public Library. NYPL Archives. Dmitry and

Eugenie Lehovich Collection. Box 1. Folder 20. Письмо от 11 марта 1937). Думаю, что эти заветы генерала могут и должны быть востребованы и в наше время.

Библиографический список

Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг.: Монография. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. 204 с.

Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.) / Я.А. Бутаков ; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории социал. реформ, движений и революций. М.: изд-во РУДН, 2000. 190 с.

Варшавский военный округ // Военная энциклопедия / под ред. В.И. Величко. СПб., 1911. Т. 5. С. 247.

Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы : монография / В.И. Голдин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Мурман. гос. гуманитар. ун-т, Сев.-Зап. секция науч. совета РАН по истории соц. реформ, движений и революций. Мурманск : Мурманский государственный гуманитарный университет, 2012. 333 с.

Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели? // Альманах «Российский архив». М.: Студия «ТРИТЭ», 1991а. С. 3–12.

Деникин А.И. Международное положение, Россия и эмиграция. Париж: Editions et imprimerie rapide de la presse, 1934. 16 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. V. 830 с.

Деникин А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин ; предисл. Н.С. Тимашева. Москва : Современник, 1991b. 299, [1] с.

Зимица В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М.: Российский гуманитарный университет, 2006. 467 с.

Ипполитов Г.М. Деникин. М.: Молодая гвардия, 2000. 531 [13] с.

Лобанов В.Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах / науч. ред. В.И. Голдин. СПб.: Владимир Даль, 2017. 483 с.

Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: Из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 24–40.

References

Abinyakin R.M. (2005) Officer Corps of the Volunteer Army: Social Composition, Worldview. 1917–1920. Orel: Publisher A. Vorob'ev. 204 p. (In Russ.)

Butakov Ya.A. (2000) White movement in the south of Russia: the concept and practice of state building (late 1917 – early 1920). Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 190 p. (In Russ.)

Velichko V.I. (1911) Warsaw Military District. Military Encyclopedia. St. Petersburg. Vol. 5. 247 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2019) Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922. Moscow: Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2012) The Civil War in Russia through the Prism of Years: Historiographic Processes. Murmansk: Murmansk State Humanitarian University. 333 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (1991a) Who saved the Soviet power from destruction? *Al'manakh "Rossiiskii arkhiv" = Almanac "Russian Archive"*. Moscow: Studiya "TRITE". P. 3–12. (In Russ.)

Denikin A.I. (1934) International situation, Russia and emigration. Paris: Editions et imprimerie rapide de la presse. 16 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (2003) Essays on Russian turmoil. Moscow: Airis-press. Vol. V. 830 p. (In Russ.)

Denikin A.I. (1991b) Way of the Russian officer. Moscow: Sovremennik. 299 p. (In Russ.)

Zimina V.D. (2006) White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War. 1917–1920. Moscow: Ros. gumanit. unstitut. 467 p. (In Russ.)

Ippolitov G.M. (2000) Denikin. Moscow: Molodaya Gvardiya. 531 p. (In Russ.)

Lobanov V.B. (2017) Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: Religious, military-political and ideological confrontation in 1917–1920s. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 483 p. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2012) "Give Warsaw!": From the History of the Soviet-Polish War of 1920. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern history of Russia*. No. 2 (4). P. 24–40. (In Russ.)

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 54–72.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920) // Русский сборник. Исследования по истории России. 2010. Т. VIII. С. 158–259.

Пученков А.С. Польша и Врангель: из истории кампании 1920 года // Russian Colonial Studies, 2019. № 2. С. 127–141.

Пученков А.С. Южнорусское Белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 53–66.

Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М.: «АИРО – XX», 1996. 156 с.

Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2. 640 с.

Сведения об авторе

Пученков Александр Сергеевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, Россия,
✉ e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Заявленный вклад автора

А.С. Пученков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 5 мая 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки 16 июня 2020 г.
Принята к публикации 6 июля 2020 г.

Puchenkov A.S. (2016) National policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920). Moscow. P. 54–72. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2010) National policy of General Denikin (summer 1918 – spring 1920). *Russkii sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii = Russian collection. Studies in the history of Russia*. Vol. VIII. P. 158–259. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2019) Poland and Wrangel: from the history of the 1920 campaign. *Russian Colonial Studies*. No. 2. P. 127–141. (In Russ.)

Puchenkov A.S. (2020) South Russian White movement and Poland during the Civil War (1919–1920). *Voprosy istorii = Questions of history*. No. 3. P. 53–66. (In Russ.)

Fedyuk V.P. (1996) White. Anti-Bolshevik movement in the south of Russia 1917–1918. Moscow: AIRO – XX. 156 p. (In Russ.)

Khandorin V.G. (2017) National Idea and Admiral Kolchak. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 624 p. (In Russ.)

Tsvetkov V.Zh. (2016) White matter in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of political structures of the White movement in Russia). Moscow. Pt. 2. 640 p. (In Russ.)

Information about the author

Alexander S. Puchenkov

Dr. Sci. (History), Professor by the Department of Modern History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia,
✉ e-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Contribution of the author

A.S. Puchenkov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received May 5, 2020.
Received June 16, 2020.
Accepted July 6, 2020.